

В античных представлениях каждая душа после смерти оказывается на распутье двух дорог. Левым, широким путем идут злые, низкие, и испорченные, а правым, узким – добрые, благородные и добродетельные.

Вышеприведенный символизм распространяется не только на сферу жизни людей, но и на биосферу и космос. Известно, что логаритмические спирали старейших ракообразных жизнезащитных структур полularий человеческого мозга являются правонаправленными. Современная биология установила и правонаправленность спиральной структуры генетического материала. Фиксируемые же случаи левонаправленности спиральной структуры генетического материала свидетельствуют лишь об аномалии, болезни или вырождении. В астрономии также известно, что спиральные структуры движения звездных галактик также правонаправлены.

Можно сделать вывод, что символизм левого и правого носит универсальный характер. Поэтому политикам давно пора осознать логико-семантический характер и опасности использования терминов «правый, левый», «центр». История свидетельствует, что «правое» изначально означает стремление к сохранению традиции, а «левое» – разрушение традиционных и построение общества на секулярной, прогрессистской основе. Политические силы, стремящиеся отстаивать традиционалистские ценности, но называющие себя «левыми», заведомо обречены на неуспех, потому что они вызывают у избирателя отталкивающий эффект на уровне архетипов. И наоборот, достаточно хитрые политики подлинно «левого» лагеря используют символизм «правого» в собственных целях. Вспомним известные слова И. Сталина: «наше дело правое» (очевидно, что трудно воодушевить народ воевать за «левое дело»). Последняя парламентская избирательная кампания также показала, что символический образ «правого дела» успешно использовали либерально-прогрессистские силы, ведущие мировоззренческую родословную от «левых» нового времени.

Следует признать, что на сегодняшний день логико-семантический аспект правого и левого в политической сфере дает широкие возможности для политических технологий манипуляции массовым сознанием. На уровне политической теории необходимо предельно прояснить духовный символизм правого и левого. Нам представляется, что политический язык должен избавиться от понятий «левое» и «правое», так как современная политика предполагает принципиально новую семантику.

Сидорова О.Г.

Уральский государственный университет (Екатеринбург)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Описывая культурную ситуацию в мире в конце XX века, социологи часто употребляют термин «глобализация», имея в виду, прежде всего, возможность разных культур знакомиться друг с другом, возрастающую доступность достижений одной культуры для носителей других культур. Глобализация, таким образом, ведет к выявлению общих закономерностей и тенденций, существующих в пределах разных культур, но, с другой стороны, более наглядными становятся характерные особенности каждой национальной культуры, проявляющиеся при сопоставлении с другими традициями. Этот же процесс глобализации лежит в основе возникновения многочисленных культурных проявлений пограничья, возникновения ярких и необычных явлений на стыках разных культур.

Весьма наглядным примером может служить литературная ситуация современной Великобритании. Британская литература конца XX века – явление многогранное. Именно в этот период в ее рамках формируется целый ряд направлений, которые можно рассматривать как результат глобализации культуры. Одно из этих направлений получило название постколониальной литературы, поскольку оно представлено творчеством авторов – граждан Великобритании, не принадлежащих к белой расе, эмигрантами из бывших колоний, как правило, во втором поколении, получивших высшее образование в английских университетах, пишущих по-английски. Постколониальная литературное пограничье (произведения Салмана Рушди, Казуо Ишигуры, Тимоти Мо, Бена Окри и других авторов) существует в британской литературе наряду с творчеством авторов, продолжающих английскую литературную традицию.

Обогащение британской литературы идет не только за счет добавления, включения в ее рамки иных традиций, но и за счет переосмысления и выделения ее составляющих, например, шотландской литературы. Культурное возрождение Шотландии происходит, в частности, через возрождение в рамках литературы Великобритании шотландской литературы, которая все чаще обращается к своей собственной истории, своему языку (речь идет о шотландском английском), и своему пространству.

Таким образом, современная литература Великобритании – пример того, что в конце XX века культурный монолит сменяется культурным многообразием, что ведет к осознанию необходимости диалога между культурами. Между тем, «понятие культуры предполагает (если мы хотим осмыслить насущность идеи «диалога культур») некую «лакуну», пустоту между культурами. Если культуры «вплотную при-

гнаны» друг к другу, ...тогда диалог не может состояться, состоится лишь развитие или трансформация этой культуры в другую... Короче, культуры всегда отделена от культуры этой пустотой, лакуной, зазором «небытия», и через эту пустоту и идет собственно диалог культур, он впервые возможен»¹.

Связь между национальной культурой и национальным языком очевидна. Известный английский специалист в области межкультурной коммуникации Б. Томалин отмечает: «Культура – это общие язык и стиль общения, обычаи, верования, отношения и ценности, появившиеся как результат общей истории и опыта»². С другой стороны, «в отличие от языка, культура не имеет твердых правил»³. Сходную точку зрения высказывает И.А. Стернин: «Тесная взаимосвязь понятий *язык* и *культура* несомненна, и необходимо максимально полно выявить те аспекты культуры, которые наиболее тесно связаны с языком, непосредственно отражены в языке, что позволит разработать методику изучения и обучения родному языку как национально-культурной ценности. При этом еще раз подчеркнем: язык – вовсе не явление национальной культуры, он не может быть поставлен в один ряд с литературой, искусством, другими явлениями духовной культуры, и тем более в один ряд с явлениями материальной культуры»⁴.

Осознание взаимосвязи между языком и культурой открывают, по мнению И.А. Стернина, новые возможности для изучения и преподавания русского языка. Представляется, однако, что эта взаимосвязь должна учитываться и при изучении иностранного языка, и особенно в вузовском курсе «Теория и практика перевода», где лингвокультурологический аспект приобретает особое значение и в теоретическом, и в дидактическом плане, поскольку в процессе перевода осуществляется, как минимум, два перехода: с языка на язык и от одной культуры к другой. Т.А. Казакова пишет: «Если сопоставительные грамматики и двуязычные словари существуют и даже в достаточно подробных вариантах, в том числе и для соотношения русского и английского языков, то практически не существует никаких *сопоставительных* справочников по культурам разных народов. Предполагается, что переводчик в равной (или почти в равной) степени владеет как исходной, так и переводящей культурами. Между тем, это далеко не так, и в большинстве случаев переводчик весьма приблизительно оценивает, а, следовательно, и переводит те или иные элементы или целые категории исходного текста в сопоставительно-культурном плане»⁵. Любопытно, что данное утверждение верно не только по отношению к переводу иноязычного текста на родной язык, но и в отношении перевода текста с родного языка на иностранный. Практика показывает, что предпереводческий анализ текста, или его переводческая интерпретация, является не только первым, но важнейшим операционным этапом процесса перевода, определяющим в значительной степени выбор стратегии перевода и его конечный результат, его успешность.

Рассмотрим в качестве примера отрывок из текста, посвященного 400-летию г. Верхотурья (автор текста – генеральный директор НПЦ по охране памятников истории и культуры Свердловской области Ю. П. Литвиненко), напечатанный в буклете об этом городе на 4-х языках (русском, английском, французском, немецком):

«В соответствии с указом царя Федора Иоанновича в 1595 году крестьянин А. С. Бабинов разведал и с помощью артели расчистил новую дорогу от Соликамска на верховья р. Туры, названную впоследствии его именем («*Бабиновская дорога*»). Она резко сокращала расстояние из Приуралья к основным русским городам Сибири (Тобольску и Тюмени), могла использоваться круглогодично, объявлялась единственным официальным путем в Сибирь, а на выходе дороги к верховьям р. Туры было решено поставить главный таможенный пункт.

Основой образа Верхотурья является его объемно-пространственная модель, к основным составляющим которой относятся рельеф местности, ландшафт, архитектурные доминанты и рядовая застройка. В период с 1599 по 1604 год были сооружены Кремль с Троицкой церковью, посад, гостиный двор, ямская слобода, Николаевский мужской монастырь. В 1621 году был основан Покровский женский монастырь».

Текст может быть классифицирован как научно-популярный, т.е. он объективен, логичен, доступен, стилистически нейтрален, лишен полифоничности художественного текста; с этой точки зрения не представляет трудностей для переводчика.

Реальные трудности в данном случае возникают при интерпретации русского варианта статьи, они связаны прежде всего с пониманием, а затем и собственно переносом на другой язык религиозной и исторической лексики. В ряде случаев культурно-историческая информация присутствует в той или иной лексической единице имплицитно, поскольку она воспринимается носителями языка в обобщенном виде: «посад» и «слобода» понимаются в данном контексте как исторические названия частей города, что в принципе верно. Однако, для переводчика, основной задачей которого является передача текста на другом языке, такое уравнивание значений неприемлемо.

Первым шагом переводчика по интерпретации текста становится, таким образом, обращение к толковому словарю русского языка:

«Слобода – до отмены крепостного права в России: большое село с некрепостным населением»⁶.

Посад – в Древней и средневековой Руси: торгово-промышленная часть города, обычно вне крепостной стены»⁷.

Следующий этап – выбор стратегии перевода на иностранный язык. Очевидно, «посад» можно перевести описательно «the suburbs where craftsmen lived», т. е. пригород, где жили ремесленники (известно, что в западноевропейских средневековых городах заселение территории также часто осуществлялось по

профессионально-цеховому принципу), а «слобода» – как «settlement» – «поселение, поселок». Потери неизбежны при переводе слов «ямской, ямщик», и эти потери связаны с национально-культурным компонентом значения данных слов и особенно с их *традиционным ассоциативным фоном* в русской картине мира. Ближайшее английское вариантное соответствие – «coachman», т. е. кучер почтовой кареты (a coach). По дефиниции малого Оксфордского словаря «coach – state carriage, large four-wheeled and usually four-horsed closed carriage with seats inside and on the roof carrying passengers at fixed rates and times with stoppages for meals and relays of horses»⁸ – «Почтовая карета – большой закрытый четырехколесный экипаж, принадлежащий государственной службе, в который чаще всего запрягают четырех лошадей, с местами для пассажиров внутри и на крыше, который перевозил пассажиров за определенную плату по расписанию, делая остановки для отдыха, еды и смены лошадей».

При работе с данным текстом в аудитории на занятиях по переводу в ряде случаев студенты исходили из ложных толкований, народной этимологии некоторых слов и понятий, что приводило к фактическим ошибкам при переводе: так, «гостиный двор» перевели как «гостиницу», а Покровский собор получил свое название в честь первого снега, а не покрова Богородицы. Религиозная тематика и связанная с ней лексика в силу исторических причин представляет, по нашему мнению, одну из самых значительных лакун для многих отечественных переводчиков. В странах Западной Европы и Америки, с другой стороны, этими знаниями обладают, в большем или меньшем объеме, не только специалисты.

Вообще, понимание текста и его элементов на родном языке, как ни парадоксально, часто бывает весьма приблизительным в силу недостаточной культурной компетенции его (текста) адресата. Название фильма П. Тодоровского «Анкор, еще анкор» непонятно для зрителя, незнакомого с творчеством русского художника XIX века П. Федотова. Без культурно-исторических ассоциаций теряет смысл название фильма Н. Михалкова «Утомленные солнцем». В Великобритании фильм прошел как «Burnt with the sun» – дословно: «Обожженные солнцем», что сделало смысл названия принципиально необъяснимым.

При переводе текста с иностранного языка на русский этап предпереводческой интерпретации осложняется еще одним действием: необходимостью *опознания* лексической единицы, несущей в себе национально-культурную информацию. Так, понятная любому англичанину фраза «Let's play Poohsticks!» может поставить в тупик переводчика-иностранца, если он не вспомнит Винни Пуха (Pooh) и игру, придуманную им. Фраза «Cat's eyes glistened on a wet road» – «Кошачьи глаза блестели на мокрой дороге» может быть верно понята только лишь человеком, побывавшим в Великобритании и видевшим особую дорожную разметку «cat's eyes» (отметим также, что из просмотренных нами двух десятков словарей объяснение «cat's-eyes» («кошачьи глаза» – утопленные в резиновые подушки зеркальные рефлекторы на дорогах; обеспечивают видимость разметки при свете фар)) было найдено в только лингвострановедческом словаре «Великобритания» 1980 года издания⁹.

Аналогичным образом не опознается типично английская мера веса в предложении «Soon this new lifestyle trimmed a stone and a half from me». поскольку первое значение «a stone» по словарю – «камень», а восьмое – «мера веса равная 14 английским фунтам = 6,34 кг». Уверенные в своей правоте студенты дают перевод «Когда я начал так жить, у меня камень с плеч упал», вместо «Я похудел на 10 кг». Именно процесс поиска и опознания национально-культурной реалии в иноязычном тексте назван автором монографии «Столкновение культур. Эмпирический подход к переводу аллюзий» Р. Леппихалме «игрой в прятки»: «То, что мы постоянно говорим о языковом сообществе, языковой культуре или источнике культуры, может быть неверно истолковано в том смысле, что культурный уровень говорящих на одном языке одинаков... Понятно, что некоторые аллюзии будут лучше поняты учеными, другие – людьми, которые интересуются политикой или родителями, которые имеют обыкновение читать детям вслух, или молодыми фанатами кино; но от переводчика ждут, что он создаст текст, понятный всем, и поэтому он не может просто пройти мимо имплицитной информации, которую могут нести аллюзии для читателей – носителей языка»¹⁰.

Отметим также, что выявление ассоциативных связей слов и понятий, национально-культурного образа слова/словосочетания сегодня успешно используется в маркетинговых исследованиях ассоциативного типа, результатом которых становится появление товаров с названиями, апеллирующими к ассоциативному фону, принятому в национальной культуре. Крайним случаем может стать замена названия товара в другой культуре (автомобиль «Лада»), очевидно, из-за неприятной ассоциации «Жигули»/«gigolo».

В конце XX века, в период глобализации культуры, перевод как вид деятельности приобретает особое значение. Самое общее понимание сути перевода сводится к его трактовке как средства межкультурной коммуникации. Перевод трактуется как вид языкового посредничества. Емкость данному определению придает глубокая и не всегда однозначная связь языка с культурой. В связи с важной ролью, которую перевод играет в современном мире, возникает ряд задач, которые должны решаться в вузовском курсе «Теория и практика перевода». Исходя из предпосылки, что «текст есть глобальный знак» (М.П. Брандес), студент должен обучаться микростратегии перевода только в рамках макростратегии, коммуникативная цель текста перевода должна зависеть от коммуникативной цели текста оригинала, отсюда – не-

обходимость учитывать все возможные эксплицитные и имплицитные смыслы и оттенки разноуровневых элементов текста. не последнюю роль среди которых играет национально-культурный компонент.

¹ Библер В.С. О логической ответственности за понятие «диалог культур» // АРХЭ: ежегодник культурологического семинара. вып. 2. М., 1996. С. 130-131.

² Томалин Б. Cultural Awareness. The Cutting Edge: Лекция, прочитанная 23.08.99 г. на конференции LATEUM в Москве. Цит. по: Longman, Russia ELT news. М., 1999.

³ Там же.

⁴ Стернин И.А. Принадлежит ли язык к явлениям культуры? // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999. С. 8-20.

⁵ Казакова Т.А. Translation Techniques. Практические основы перевода. СПб., 2000. С. 9.

⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 19-е изд. М., 1987. С. 596.

⁷ Там же. С. 959.

⁸ The Concise Oxford Dictionary / Ed. by H.W. and F.G. Fowler; 4th edition. Oxford, 1962.

⁹ Великобритания: лингвострановедческий словарь / Под ред. Е.Ф. Порова. М., 1980. С. 94.

¹⁰ Leppihalme R. Culture Bumps. An Empirical Approach to the Translation of Allusions. Clevedon; Philadelphia; Toronto, 1997. С. 37.

Машина О.Ю.
Великий Новгород

К ВОПРОСУ О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НОРМЕ

Понятие нормы литературного языка раскрывается в свете динамической теории. Здесь норма рассматривается в движении и сосуществовании вариантов¹. Мы обращаемся к явлению фразеологической нормы, т.е. говорим о способах нормативного употребления фразеологизмов. Здесь необходимо различать речевой вариант ФЕ и ошибочное употребление фразеологизма.

В преподавании русского языка важное место занимает изучение фразеологизмов с точки зрения их употребления в речи. Успешное овладение фразеологией русского языка способствует формированию развитой речи.

При изучении фразеологической нормы мы обращаем внимание на умение различать основной языковой вариант ФЕ, речевой, ошибочный. Критерии их различения в степени реализованное фразеологического значения. Основной языковой вариант отличается полной реализацией фразеологического значения. Это наблюдается при типичном употреблении ФЕ. Например, «Андрюша Емельянович **выходил из себя** - кричал о маловерах, очернителях»². Самсон Попенкин всем своим видом выражал - **моя хата с краю** ...³. Вы спрашиваете, как здесь живет: да **пока слава Богу!**⁴.

Это употребление является устоявшимся, нормативным и принимается за образец. Фразеологическое значение реализовано здесь полностью, совпадает со словарным: **выходить из себя** - «приходить в состояние нервного возбуждения, озлобления...»⁵, **моя хата с краю** - «совершенно не касается, не имеет никакого отношения»⁶, **слава Богу** - «благополучно, хорошо»⁷.

Однако необходимо рассматривать и случаи речевого видоизменения ФЕ. Этот вариант не будет типичным, скорее всего авторским, контекстным. Именно варьированные ФЕ в речи свидетельствуют о ее отдельности и самостоятельности и в то же время функциональной активности в языке. Такое употребление ФЕ раскрывает семантическое видоизменение фразеологизма, объемность фразеологического значения. Примеры подтверждают функциональное разнообразие фразеологизма: «...стулья на постели, сам я чуть не **на потолке витаю**»⁸. «...Тихо и безропотно **несут свое иго** и видят в жизни и над жизнью высоко только евангелие»⁹. «Но Самсон Попенкин был не из тех, кто **рубят с маху**»¹⁰. Оно заключается в появлении семантических оттенков у речевых вариантов:

на потолке витаю - // «находиться в крайне неопределенном, несобранном состоянии» - **витать в облаках**

несут свое иго - // «безропотно, терпеливо жить крайне тяжело» - **нести свой крест**

рубят с маху - // «очень резко, внезапно что-либо делать» - **рубить с плеча**

Отмеченные речевые варианты расширяют понятие фразеологической нормы до функционально видоизмененных ФЕ, т.е. здесь фразеологическое значение реализовано в его оттенках.

Таким образом, изучение фразеологии русского языка включает в себя не только владение основным языковым вариантом ФЕ, но и умение определять контекстные речевые варианты, видеть их семантическое своеобразие. За пределами литературной нормы будут случаи ошибочного употребления, когда значение ФЕ не реализовано:

Львиная часть вместо **львиная доля**; **скрипя сердцем** вместо **скрепя сердце**; **сломав голову** вместо **сломя голову**.

Выделение трех групп фразеологизмов с точки зрения культуры речи и владения фразеологическим составом языка является необходимым при изучении фразеологии русского языка.